

Главы из
приложения VII

1-й экз.

ИЗВѢСТИЯ
ТАМБОВСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

ВЫПУСКЪ XLVII.

Материалы для Исторіи Тамбовскаго, Пензенскаго и Саратовскаго дворянства

т о мъ I

(съ гербами, портретами и таблицами)

составилъ

А. Н. Нарцовъ.

Библиотека
Ивана Егоровича
Заболиня.

ТАМБОВЪ.
Типо-литографія Губернскаго Правленія.
1904.

М. Н. Загоскинъ — писатель.	81
Биография	83
Пассаж о немъ же	85
Марк. Ник. Загоскинъ въ „Воспоминаніяхъ С. М. Загоскина“.	86
Пассажъ о бракѣ Е. Д. Мертауо.	—
Ступишиаш. Гербъ рода.	87
Генераль Загоскинъ въ „Воспоминаніяхъ“ своего племянника. Анекдоты о его разъяренности	87
Охлебянинъ. Панчулидзеы.	92
Ломонсовы. Происхождение рода и гербъ	95
Карапаровы. Гербъ рода.	—
Семья генерала Загоскина въ „Воспоминаніяхъ С. М. Загоскина“.	96
Протасьевы. Гербъ рода	98
Лукасдины. Гербъ	99
Рукины. Гербъ	100
Давыдовы. Гербъ рода	102
Выпись 1694 г. на владѣнія въ Мещерѣ Ломонсовыхъ	103
Приложение V. Саловы.	107—110
Потомство Андрея Феодоровича — Тимирязевы, Хрущевы, Лопаковы, Ладыженские, Сомовы, Протопоповы, Обуховы, Сушкины, Коваленковы, Ольферьевы, Кричевы, Члещеевы.	
Приложение VI. Сочиненія Николая Соломоновича Мартынова.	111—140
Гауша. Начало повѣсти	111
Герзель — ауль	118
Чеченская пѣсня	129
Изъ Авдре Шенѣ	130
„Ужасный сонъ“ отрывокъ	131
Высозайшій смотръ Кавалергардскому полку, отрывокъ	135
Экспромптъ	136
Нева	137
Свиданіе	—
На покушеніе 4 апрѣля 1866 г.	140
Приложение VII. Исторія дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ.	141—187
Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его (вп. Васильчикова)	141
Отрывки изъ записокъ Н. С. Мартынова	147
Моя исповѣдь. (Его же)	151
Экспедиція 1837 г. (Его же)	153

Вопросные пункты Следственной Комиссии	157
Записка Глебова и кн. Васильчикову Мартынову.	161
Записка Мартынова Глебову	163
Ответ Глебова.	—
Письмо Столыпина Мартынову	—
Письмо Мартынова Глебову	164
Вопросные пункты Окружного Суда	165
Справка	168
Прошение Мартынова га Высочайшее в ма	169
Письмо Мартынова къ отцу.	—
Замѣтка П. И. Бартеева.	170
Два письма Е. М. Мартыновой сыну	171
Послѣдовіе (кн. Оболенского)	173
Исторія дуэли (С. Н. Мартынова).	177
Приложение VIII. Акты и документы Слѣпцовъхъ по Мещерѣ XVII вѣка.	188—244
1. Дѣло 1647 г. Богдана Ивановича о дачѣ пороз- жей земли.	188
2. Выписи изъ писцовыхъ, межевыхъ и переписныхъ книгъ на владѣніе Слѣпцовъхъ въ Шацкомъ уѣзда.	202
3. Дѣла Василия Андреевича	211
4. Дѣла Герасима Кузьмича (челобитныхъ).	214
5. Дѣла Фрола Кузьмича. (Владѣнія его по книгамъ 1647—1661 г. Развыя челобитныя. Выписки изъ Боярской книги).	217
6. Дѣло 1661 и 1667 г. о помѣстьѣ Степана Василь- евича.	224
7. Отказная 1685 г. Петру Васильевичу.	230
8. Дѣла Лукіана и Мелентія Фроловичей	231
Приложение IX	245—269
Князья Енгалычевы	245—261
Происхожденіе рода Маны, владѣтельныхъ князей Мордовскихъ. Гербъ. Грамота 1539 г.	245
Грамота 1580 г. Потомство князя Янглыча	246
Дѣло о наслѣдствѣ кн. Енгалычевыхъ и Постель- никовыхъ	248
Происхожденіе и родословіе рода Ишмамета.	249
Потомство (по колѣнамъ) княгини С. Б—вны Енга- лычевой	250
Потомство князя И. С. Гагарина, мистика	251
Рескриптъ Императора Александра I. кн. И. А. Енгалычеву 1808 г.	252
Рескриптъ Короля Пруссакаго ему же 1807 г.	—

сперва добродушно, привыкнуть къ немъ; но потомъ это ему видимо надоѣло. Злой рокъ рѣшилъ иначе, и безъ прицѣла пущенная пуля угодила въ поэта. Вѣриѣ еще, что самъ Лермонтовъ, чувствуя себя виновнымъ предъ Мартыновымъ, хотѣлъ искупить вину свою поединкомъ.

Что сестры Мартынова, какъ и многія тогда дѣвицы, были подъ впечатлѣніемъ и обаяніемъ таланта Лермонтова, неудивительно и очень было извѣстно. Вернувшись съ Кавказа, Наталья Соломоновна бредила Лермонтовымъ и рассказывала, что она изображена въ „Героѣ нашего времени“. Одной нашей знакомой она показывала красную шаль, говоря, что ее Лермонтовъ очень любилъ. Она не знала, что „Героя нашего времени“ уже многіе читали и что „пунцовыи платокъ“ помянуть въ немъ совершенно по другому поводу.

Николай Соломоновичъ, по утвержденію многихъ, очень мучился смертью Лермонтова. Говорили, что, въ годовщину смерти поэта онъ постоянно заикался въ своемъ кабинетѣ....

Кн. Д. Оболенскій.

(Перепечатано *) разъ „Русскаго Архива“ П. И. Бартецева, 1893 г., книга 2, стр. 585—613)

III.

Исторія дуэли

М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ.

(Перепечатка части статьи С. Н. Мартынова изъ Русскаго Обозрѣнія 1898 г., январь).

Прошло уже болѣе полустолѣтія со дня роковой дуэли М. Ю. Лермонтова съ покойнымъ отцомъ моимъ Николаемъ Соломоновичемъ Мартыновымъ, но до сихъ поръ извѣстенъ лишь поводъ къ этой дуэли—столкновеніе ихъ на балу у Верзелиныхъ, въ Пятигорскѣ, лѣтомъ 1841 года, но самая сокровенная причина ея, а также и то обстоятельство, на комъ лежать главнымъ образомъ ответственность въ допущеніи этой дуэли, донынѣ печатью не установлены.

Семейство отца, живя постоянно въ Москвѣ и имѣя также, какъ и бабка Лермонтова, Арсеньева, имѣнія въ Пензенской губерніи, издавна находилось въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ семьей поэта съ материнской стороны. Неудивительно поэтому, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, живя въ Москвѣ въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, часто пост-

*) За исключеніемъ перевода писемъ, стр. 171—172

щалъ домъ моего дѣда, у которого познакомилсѧ съ его до-
черьми, при чёмъ одна изъ нихъ, Наталья Соломоновна, впос-
лѣствіи графиня де Турдове, ему очень нравилась. Когда она
была еще одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Лермонтовъ въ 1830
г. посвятилъ ей стихотвореніе:

Когда поспорить Вамъ придется
Не спорьте никогда о томъ

в т. д.

Понятно, что когда Лермонтовъ въ 1832 году поступилъ въ школу гвардейскихъ кавалерийскихъ юнкеровъ, куда одновременно съ нимъ помѣщенъ былъ и покойный отецъ мой, почва для ихъ сближенія была уже подготовлена предыдущимъ знакомствомъ яхъ по Москвѣ.

Въ 1834 году они были выпущены—Лермонтовъ корнетомъ въ лейбъ-гусары, а отецъ—въ кавалергарды, и съ этого времени въ теченіи трехъ лѣтъ они findingлись лишь въ обществѣ на великосвѣтскихъ и придворныхъ балахъ.

Въ 1837 году судьба свела ихъ опять на Кавказъ, куда Лермонтовъ былъ сосланъ какъ известно, за стихи свои „На смерть Пушкина“, а отецъ перевелся волонтеромъ отъ Кавалергардскаго полка. Лѣтомъ этого года въ Пятигорскъ на воды прїѣхалъ больной дѣдъ мой Соломонъ Михайловичъ Мартыновъ, въ сопровожденіи всей семьи своей, въ томъ числѣ и Натальи Соломоновны, въ то время уже 18 лѣтней красавицей.

Отецъ тогда прикомандировался къ Гребенскому казачьему полку, расквартированному въ Червлѣнной станицѣ, и принималъ участіе въ экспедиціи генералъ-лейтенанта Вельяминова за Кубанью. Какъ-то въ концѣ сентября мѣсяца прїѣзжаетъ къ нему въ отрядъ Лермонтовъ; вынувъ изъ бумажника 300 руб. ассигнаціями, онъ объясняетъ, что деньги эти присланы ему изъ Пятигорска его отцомъ и находились, вместе съ письмомъ Натальи Соломоновны въ большомъ конвертѣ, который хранился въ чемоданѣ, украденномъ у него въ г. Тамани цыганкой.

— „За кого ты меня принимаешь, Лермонтовъ, чтобы я согласился принять отъ тебя деньги, которыхъ у тебя украдли! девегъ этихъ я у тебя не возьму, и мнѣ ихъ не нужно“, отвѣчалъ отецъ. „И я ихъ у себя тоже оставить не могу, и если ты ихъ отъ меня не примешь, то я ихъ подарю отъ твоего

имени пѣснікамъ твоего полка", отвѣчалъ Лермонтовъ, и тутъ же, съ согласія отца, послалъ за пѣсніками, которымъ онъ, выслушавъ лихую казацкую пѣсь, отъ имени отца передалъ эти деньги.

Отецъ изъ Екатеринодара 5 октября 1837 года писалъ своему отцу: „Триста рублей, которые вы мнѣ послали черезъ Лермонтова, получилъ, по писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенные въ письмо, также пропали; но онъ, само собою разумѣется отдалъ мнѣ свои".

Въ письмѣ этомъ, какъ видно, отецъ мой, не желая, вѣроятно, встрѣчить дѣда извѣстіемъ, что денегъ отъ Лермонтова онъ непринялъ и что самъ онъ сидитъ безъ гроша, скрылъ отъ него это обстоятельство. При личномъ свиданіи съ своимъ отцомъ въ сестрами отецъ отъ нихъ узналъ, что Лермонтовъ, живя въ Пятигорскѣ и ежедневно видаясь съ ними, какъ то объявилъ имъ, что ёдетъ въ отрядъ, гдѣ увидится съ нимъ, а потому просилъ Наталью Соломоновну послать съ нимъ письмо къ брату. Та согласилась и, вложивъ въ большой конвертъ свой Пятигорскій дневникъ и письмо къ брату, передала его своему отцу, спросивъ его не желаетъ ли онъ что-либо отъ себя прибавить. „Хорошо, пронеси мнѣ свое письмо, и я, быть можетъ, еще что вибудь отъ себя пропишу," отвѣчалъ мой дѣдъ, и вложилъ въ письмо триста рублей ассигнаціями, при чёмъ ни дочери своей, ни Лермонтову обѣ этомъ ни слова не сказалъ. „Я думаю", сказалъ дѣдъ мой отцу, „что если Лермонтовъ узналъ, что въ письмѣ было вложено триста рублей, то овъ либо асновидецъ, либо письмо это вскрылъ." По мнѣнію отца, Лермонтовъ, подстрекаемый любопытствомъ узнать, какого о немъ мнѣнія любимая имъ дѣвушка, для которой онъ въ томъ же году написалъ стихотвореніе, „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою"!... и т. д., вскрылъ письмо и, найдя, въ немъ 300 руб. денегъ, о которыхъ ни дѣдъ мой, ни Н. С-ва его не предупредили и видя невозможность скрыть отъ отца этотъ поступокъ, придумалъ разсказъ о похищении у него цыганкой въ Тамани шкатулки, а самыя деньги принесъ ему.

Какъ бы то ни было, послѣ этого случая Лермонтовъ, чувствуя себя передъ отцомъ виноватымъ и не желая въ этомъ поступкѣ признаться, сталъ всячески надѣждать отцу своими сарказмами, такъ что тогъ однажды въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ предупредилъ его, что его пасмушки онъ вы-

носить можетъ лишь у себя дома или въ кругу товарищѣй, но не въ дамскомъ обществѣ; Лермонтовъ тутъ прикусилъ губу и отошелъ, не сказавъ ни слова.

Нѣкоторое время онъ дѣйствительно пересталъ досаждать отцу своими ядовитыми насмѣшками, но затѣмъ позабылъ предупрежденіе отца и снова привался за старое.

Лѣтомъ 1841 года отецъ, выйдя въ отставку, пріѣхалъ въ Пятигорскъ, куда въ то время собралось вся „jeunesse dorée“ служившая на Кавказѣ, а также многіе пріѣзжіе изъ Россіи. Были тутъ Васильчиковъ, Браницкій, Трубецкой, Глѣбовъ, Лермонтовъ, Столыпинъ и многіе другіе.

Время проводили они весело: пикники, балы, рауты, карнавальканы и другія увеселенія смѣялись ежедневно.

Изъ барышень привлекали вниманіе молодежи дѣвицы Верзилины, дочери пятигорского старожила генерала Верзилина. Между ними особенно отличалась своею красотой и остроуміемъ Эмилія Александровна, которая вѣсколько увлекалась отцомъ, но за которую ухаживали всѣ, въ томъ числѣ въ Лермонтовъ. Отецъ жилъ тогда близъ самаго Пятигорска, въ Шотландской колоніи, или, какъ называли ее по просту, въ Шотландкѣ, гдѣ онъ занималъ красивый домикъ съ садомъ. Лермонтовъ, утомленный вѣчными пятигорскими кутежами и попойками, иногда пріѣзжалъ къ нему въ Шотландку, проводя съ отцомъ долгіе часы въ разговорахъ о поэзіи и литературѣ, иной разъ до того засиживался, что оставался ночевать. Въ одно изъ этихъ посѣщеній отецъ въ шутку ему сказалъ „Lermontow, mariez vous et je ferai tout possible pour vous rendre socu“ (Лермонтовъ, женись и я постараюсь сдѣлать тебя рогониссцемъ).—Si mon voeu le plus cher se realise, cela vous sera humainement impossible, cher ami, отвѣчалъ Лермонтовъ съ загадочной улыбкой (Если мое самое илламенное желаніе осуществится, любезный другъ, то тебѣ это будетъ физически невозможно.) Изъ этихъ словъ отецъ заключилъ, что Лермонтовъ имѣть виды на руку его сестры Наталіи Соломоновны. Всѣ время этихъ визитовъ Лермонтовъ въ шутку дѣлалъ различные рисунки съ такимъ талантомъ, что, по словамъ отца, еслибы онъ не былъ великимъ писателемъ, то легко могъ бы сдѣлаться первокласснымъ живописцемъ.

Какъ-то въ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ числахъ июля на вечерѣ Верзилиныхъ Лермонтовъ и отецъ,

какъ обыкновенно, ухаживали за Эмилией Александровной. Отецъ имѣлъ привычку, когда приходилось стоять, браться рукой за кинжалъ, обязательную принадлежность кавказскаго казачьяго костюма.

Поговоривъ некоторое время съ Эмилией Александровной, отецъ отошелъ на несколько шаговъ отъ нея и, по обыкновенію, взялся за рукоятку кинжала, причемъ тутъ же услыхалъ насмѣшливыя слова Лермонтова m-lle Верзилиной: „Après quoi Martynow croit de son devoir de se mettre en position.“ (Послѣ чего Мартыновъ считаетъ себѣ обязанномъ стать въ позицію). Отецъ ясно услышалъ эти слова, но бѣзучи человѣкомъ благовоспитаннымъ и не желая поднимать исторій въ семейномъ домѣ, смолчалъ тутъ и Лермонтову не сказалъ ни единаго слова, такъ что, по словамъ Васильчикова, никто изъ присутствовавшихъ его столкновенія съ Лермонтовымъ не замѣтилъ, но зато, при выходѣ изъ дома Верзилиныхъ онъ взялъ Лермонтова подъ руку на, бульварѣ и пошелъ съ нимъ рядомъ: „Je vous ai prévenu, Lermontow, que je ne souffrirais plus vos sarcasmes dans le monde et cependant vous reconnemmez de nouveau“. (Я тебя предупреждалъ, Лермонтовъ, что я не намѣренъ болѣе переносить въ обществѣ твоихъ ядовитыхъ насмѣшекъ, однако ты берешься за старое), сказалъ ему отецъ, при чемъ добавилъ порусски спокойнымъ тономъ: „Я тебя заставлю перестать“ „Но вѣдь ты знаешь, Мартыновъ, что я дуэли не боюсь и отъ нея никогда не откажусь,—значить, вмѣсто пустыхъ угрозъ, тебѣ лучше дѣйствовать,“ отвѣчалъ Лермонтовъ съ желчью. „Ну, въ такомъ случаѣ завтра у васъ будутъ мои секунданты“, сказалъ холодно отецъ и отправился къ себѣ домой, куда въ тотъ-же вечеръ пригласилъ своего приятеля лейбъ-гусарскаго офицера Глѣбова, котораго просилъ на другое утро чѣмъ свѣтъ съѣздить къ Лермонтову и передать ему формальный вызовъ на дуэль. Глѣбовъ, вернувшись отъ Лермонтова, сообщилъ отцу, что вызовъ его принялъ и что Лермонтовъ секундантомъ своимъ избралъ князя Александра Иларіоновича Васильчикова. ¹⁾

При этомъ считаю необходимымъ сдѣлать небольшое отступленіе: отецъ мой впослѣдствіи во время судебнаго дѣла обѣ его дуэли показалъ, что вечеръ у Верзилиныхъ, послѣ котораго онъ нашелся вынужденнымъ вызвать Лермонтова, происходилъ 13 іюля, то-есть за два дня до дуэли, въ статьѣ же князя Васильчикова, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“, говорится о трехдневной отсрочкѣ дуэли, которой добились

1) Авторъ книги „О самоуправлении.“

таки секунданты, и о всѣхъ ихъ безплодныхъ усиляхъ примирать противника.

Покойный отецъ мой неоднократно передавалъ мнѣ, что вечеръ у Верзилиныхъ происходилъ не 13 іюля, а гораздо раньше, именно около Петрова дня (29 іюня).

Показалъ же онъ неосновательно обѣ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобы выгородить секундантовъ, будто привинчившихъ самыя энергическія и разнообразныя мѣры къ примиренію его съ Лермонтовымъ, при чёмъ понятво, что за одно 14 іюля, отдѣляющее вызовъ отъ самой дуэли, они, конечно, не могли успѣть достигнуть въ этомъ направленіи благопріятныхъ результатовъ. Впослѣдствіи, вѣсколько дней послѣ роковой дуэли его съ Лермонтовымъ, отецъ писалъ Глѣбову и Васильчикову, что „всю вину принимаетъ на себя и что на судѣ покажетъ о всѣхъ ихъ усилияхъ примирить его съ Лермонтовымъ, по требуетъ, чтобы они послѣ окончанія дѣла о дуэли восстановили истину и для очищенія его памяти опубликовали дѣло, какъ оно дѣйствительно было.“

На это письмо, отецъ, сидя въ Пятигорской тюрьмѣ, куда онъ былъ заключенъ на нѣсколько дней послѣ дуэли, какъ находившійся въ отставкѣ отъ военной службы, получилъ отъ Глѣбова слѣдующую заменательную записку, хотя уже напечатанную, но имѣющую въ исторіи дуэли такое огромное значеніе, что я считаю ее узломъ всего дѣла и не могу не привести ее цѣликомъ: „Признаюсь тебѣ, твое письмо нѣсколько было вамъ непріятно“, писалъ Глѣбовъ, „и я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ ио и потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю (всѣ это знаютъ, судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета.) Что же касается до правды, то мы отклоплемся только въ отношеніи Т. и С.,¹⁾ которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ. Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, ты напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова. Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждалъ тому три недѣли, чтобы тѣсть не шутить на твой счетъ. Особено настаивай на эти слова Лермонтова („вместо пустой угрозы“ и зроч.) который въ самомъ дѣлѣ тебя ставили въ

1, Трубецкаго и Столыпина.

необходимость его вызвать или лучше сказать, были уже вызовъ".

Изъ этого письма, известуетъ, что отецъ до дуэли своей пистолета въ руки почти никогда не бралъ, и убилъ Лермонтова не предварительно, а совершенно случайно, но важнѣе всего заключеніе, котораго изъ него нельзя не вывести, основанное, конечно, на двукратномъ напоминаніи Глѣбова отцу, что онъ долженъ показывать на судѣ о безплодныхъ усилияхъ секундантовъ примирить его съ Лермонтовымъ, таковое напоминаніе было бы совершенно излишнимъ, если бы дѣйствительно съ ихъ стороны были приваты къ этому какія-либо мѣры. Нельзя же допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы отецъ, имѣвший несчастіе убить на дуэли Лермонтова, сталъ оговаривать своихъ секундантовъ въ непринятіи мѣръ къ примиренію его съ противникомъ, еслибы они въ дѣйствительности дѣлали къ этому какія либо попытки.

На самомъ же дѣлѣ, какъ передавалъ мнѣ отецъ, никакихъ шаговъ со стороны секундантовъ въ дуэли его съ Лермонтовымъ къ примиренію противниковъ сдѣлано не было, причемъ отецъ объяснилъ это тѣмъ шумомъ, который надѣдалъ предыдущій поединокъ Лермонтова съ Барантомъ въ 1840 году, гдѣ противники дрались на шпагахъ и пистолетахъ, при чёмъ, не считая пустой царапины, полученной Лермонтовымъ, никто изъ нихъ даже раненъ не былъ, что сдѣжало, какъ дузлистовъ, такъ и секундантовъ ихъ посмѣшищемъ всего Петербурга. Въ дуэли этой секундантомъ Лермонтова, хотя не официальнымъ, былъ, по словамъ отца, и Васильчиковъ, хотя въ дѣлѣ обѣ этой дуэли секундантомъ названъ лишь двоюродный братъ поэта Монго-Столыпинъ, который и въ дуэли Лермонтова съ отцомъ былъ его секундантомъ, а Трубецкой-секундантомъ у отца, что можно заключить изъ вышеприведенаго письма Глѣбова.

Понятно, что Васильчикову, участнику первой дуэли Лермонтова, и Глѣбову, его товарищу по лейбъ-гусарскому полку, въ которомъ эта дуэль произвела самое выгодное для Лермонтова впечатлѣніе, не приходилось, съ ихъ точки зрѣнія, особенно усердно стараться о примиреніи противниковъ, и хотя Васильчиковъ въ единственной статьѣ своей обѣ этой дуэли и выразился буквально, что слова Лермонтова: „потребуйте отъ меня удовлетворенія“, заключали въ себѣ косвенное приглашеніе на вызовъ, и загѣмъ оставалось решить, кто изъ двухъ былъ зачинщикомъ и кому передъ кѣмъ слѣ-

довало сдѣлать первый шагъ къ примиренію; „на этомъ сокрушились всѣ наши усилія, трехдневная отсрочка не послужила ни къ чему,“ — однако читатель ниже увидитъ, насколько эти слова князя Васильчикова согласовались съ его дѣйствіями.

Поединокъ былъ назначенъ на 15 іюля 1841 года въ $6\frac{1}{2}$ часовъ вечера, у подошвы горы Машукъ, въ полуверстѣ отъ Пятигорска.

Хотя отду было прекрасно извѣстно, что Лермонтовъ превосходно владѣлъ пистолетомъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ почти безъ промаха, а отецъ самъ вовсе стрѣлять не умѣлъ, тѣмъ не менѣе онъ съ беззаботностью молодости — ему было всего 25 лѣтъ — въ исходѣ пятаго часа велѣлъ осѣдлать своего аргамака, а бѣговыя дрожки свои уступилъ секунданту своему Глѣбову. День былъ до крайности душный и жаркій; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы. Прибывъ съ Глѣбовымъ на мѣсто дуэли одновременно съ Лермонтовымъ и Васильчиковымъ они застали тамъ секундантовъ Трубецкаго и Столыпина и много другихъ общихъ пятигорскихъ знакомыхъ, числомъ до сорока человѣкъ о присутствіи которыхъ во время его дуэли отецъ, Глѣбовъ и Васильчиковъ на судѣ не проронили ни слова, чтобы не подвергнуть ихъ отвѣтственности за допущеніе дуэли и за недонесеніе о ней.

Имѣя въ виду, что столкновеніе отца съ Лермонтовымъ произошло, какъ сказано выше, около 29 іюня, а самая дуэль имѣла мѣсто почти черезъ двѣ недѣли, понятно, что молва о ней успѣла распространиться по всему Пятигорску, а потому естественно, что слухъ о ней почти ни для кого изъ приятелей отца и Лермонтова не былъ тайной и что иные изъ участія къ Лермонтову, другие изъ празднаго любопытства, прѣхали посмотреть на исходъ поединка.

Барьеръ былъ опредѣленъ секундантами на пятнадцать шаговъ; причемъ съ обѣихъ сторонъ была положена гряда камней, а отъ него, на десять шаговъ каждый, были поставлены дуэлисты, которые имѣли право стрѣлять съ своего мѣста или же подойдя къ барьеру.

Противникамъ дали въ руки по пистолету, и одинъ изъ секундантовъ махнулъ платкомъ въ знакъ того, чѣмъ началась. Лермонтовъ стоялъ въ рейтузахъ и красной канашусовой рубашкѣ и съ кажущеюся или дѣйствительною беззаботностью сталъ юсть вишни и выплевывать косточки. Онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ въ позѣ опытнаго дуэлиста, правымъ бокомъ

впередъ, приврыгаясь рукой и пистолетомъ и наведя послѣдній прямо на отца. Въ это время грянулъ громовой ударъ, и дождь пошелъ ливья.

Прошла минута, показавшаяся, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, всѣмъ присутствующимъ вѣчностью. Ни Лермонтовъ, ни отецъ не стрѣляли и стояли на своихъ мѣстахъ. Секунданты и присутствующіе начали ежиться и вполголоса дѣлать между собою замѣчанія, которыхъ отчасти долетали до слуха отца. „Надо же кончать“, сказалъ кто-то, „мы и такъ насквозь промокли.“ Отецъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру, навелъ пистолетъ на Лермонтова и выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, онъ увидѣлъ Лермонтова лежащемъ на землѣ недвижимымъ. Тѣло его подергивалось легкими судорогами, и когда отецъ бросился съ нимъ прощаться, Лермонтовъ былъ уже мертвъ. Съ мѣста дуэли отецъ побѣжалъ къ коменданту, которому и объявилъ о несчастномъ событии. Комендантъ велѣлъ арестовать отца и обоихъ секундантовъ, и началось слѣдствіе, при началѣ которого отецъ узналъ отъ Глѣбова, что Лермонтовъ во время переговоровъ относительно условій дуэли говорилъ своему секунданту Васильчикову: „Нѣтъ, я сознаю себя на столько виновнымъ предъ Мартыновымъ, что чувствую, рука моя на него не поднимется“. Намекалъ ли тутъ Лермонтовъ на вскрытие письма или на нецѣльность своей выходки на вечерѣ у Верзилиныхъ, отцу осталось неизвѣстно, но я донынѣ живо помню слова его: „Передай мнѣ обѣ этихъ словахъ Васильчиковъ или кто-либо другой, я Лермонтову протянулъ бы руку примиренія, и нашей дуэли, конечно, не было бы.“

Эмилія Александровна Шанъ-Гирей, рожденная Верзилина, въ 1889 году напечатала въ „Русскомъ Архивѣ“ *) свои воспоминанія о Лермонтовѣ, въ которыхъ, между прочимъ, говорить: „Первымъ стрѣлялъ Мартыновъ, а Лермонтовъ будто бы прежде сказалъ секунданту, что „стрѣлять не будетъ“, и былъ убитъ наповалъ, какъ рассказалъ намъ Глѣбовъ.“

Отсюда видно, что Глѣбовъ обѣ эти фактѣ, играющіе столь важную роль въ дуэли отца, передавалъ не ему одному, а также и другимъ лишь косвенно прикосновеннымъ къ ней лицамъ.

Отецъ мой, проведя всю предшествовавшую жизни свою въ военной службѣ, ходатайствовалъ о томъ, чтобы предали его военному, а не гражданскому суду; просьба эта была

*) Кн. 2-я, стр. 315—320.

уважена; сенквіцієй Пятигорского военного суда отецъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, каковая сенквіція была смягчена сперва начальникомъ лѣтаго фланга, затѣмъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, военнымъ министромъ и, наконецъ Государемъ Императоромъ Николаемъ I, который 3 января 1842 года положилъ слѣдующую резолюцію: „Майора Мартынова выдержать въ крѣпости три мѣсяца, а затѣмъ предать его церковному покаянію.“

Существуютъ въ нашей литературѣ различные отзывы о томъ, какъ отнесся покойный Императоръ Николай I къ извѣстію о смерти Лермонтова, а потому я считаю небезынтереснымъ слѣдующій разсказъ покойнаго генерала-отъ-инфантеріи Николая Николаевича Вельяминова, скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, гдѣ онъ служилъ начальникомъ Чесменской багадѣльни. Года за два до своей смерти онъ передавалъ брату моему А. Н. Мартынову, *) что покойный Императоръ Николай I, проводившій обыкновенно лѣто въ Петергофѣ, гдѣ Вельяминовъ въ 1841 году находился въ камерь-пажахъ, и имѣвшій обыкновеніе въ праздничные дни собирать у себя послѣ обѣдни всѣхъ присутствовавшихъ лицъ свиты своей, которымъ сообщалъ наиболѣе интересныя извѣстія имъ полученные, высказалъ про смерть Лермонтова слѣдующее: „Сегодня я получилъ грустное извѣстіе; поэтъ нашъ Лермонтовъ, подававшій Россіи такія великия надежды, убитъ на поединкѣ. Россія въ немъ многое потеряла.“

Сопоставляя этотъ отзывъ Императора Николая I съ незначительностью наказанія, наложеннаго на покойнаго отца конфirmaціей Государя, надо полагать, что отецъ мой въ этой дуэли не былъ настолько виноватъ, насколько это можетъ показаться съ первого взгляда, такъ какъ причиной этой дуэли было роковое стеченіе обстоятельствъ, противъ которыхъ воля моего отца была вполнѣ безсильна.

Такова исторія дуэли моего отца съ Лермонтовымъ. Иные, быть можетъ, скажутъ, что отецъ мой, посягнувъ на священную жизнь поэта, на вѣки заслужилъ ненависть потомства, что онъ, какъ русскій, долженъ былъ понимать, на кого онъ посагаетъ, но пускай эти люди сообразятъ, что въ 1841 году значеніе Лермонтова въ нашей литературѣ далеко еще не было установлено, что отцу во время его дуэли было всего лишь 25 лѣтъ, и что отъ него были скрыты слова поэта своему секунданту Васильчикову, что „рука его на Мартынова не поднимется“

*) Анатолію Николаевичу.

Почему Васильчиковъ этихъ словъ отцу не передалъ до дуэли его, отцу осталось неизвѣстнымъ, но мнѣ кажется, что вышеприведенная догадка покойнаго отца моего о причинахъ рокового молчанія князя Васильчикова является крайне правдоподобною. Г. Мартыновъ въ одной изъ своихъ статей о Лермонтовѣ обвиняетъ Васильчикова въ зависти (?) къ славѣ поэта и этому низкому чувству приписываетъ непринятіе имъ надлежащимъ мѣръ къ примиренію его съ противникомъ.

Огъ отца я подобнаго обвиненія противъ князя Васильчикова никогда не слышалъ, и, конечно, не мнѣ его повторять, но скажу, по словамъ отца, что „передай ему Васильчиковъ о словахъ Лермонтова, дуэли его съ Лермонтовымъ не произошло бы.“

Въ 1877 или 1878 году появилась въ газетѣ „Новое Время“ статья какогос-то борзописца, въ которой о дуэли этой сказано было, что это была не дуэль, а убийство.“

Отвѣтъ на подобныя велѣпцы я тогда счелъ виже достоинства памяти моего отца, и предупреждаю, что всѣ обвиненія, направленные противъ памяти человѣка, который самъ уже не можетъ защищаться, мною будутъ оставлены безъ отвѣта, поскольку они не касаются его чести. Сергѣй Николаевичъ Мартыновъ.“ (Русское Обозрѣніе 1898 г. № 1).